

С(Башк.)

К 23

Марат Баримов

НЕ ВСПУТНИ ЛЕБЕДЕЙ

БИБЛИОТЕЧКА БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ

Марат Каримов

НЕ ВСПУГНИ ЛЕБЕДЕЙ

СТИХИ И ПОЭМА

*Авторизованный перевод
с башкирского*

С (Башк.)
К 23

Каримов Марат Набиевич родился в 1930 году в деревне Кугарчи Зианчуринского района Башкирской АССР в семье учителя.

После окончания Зилаирского педагогического училища в 1947 году работал учителем сельской школы, затем — в аппарате Зианчуринского РК ВЛКСМ. Служил в рядах Советской Армии, работал в молодежной газете «Ленинец» и журналах.

В 1961 году заканчивает Высшие литературные курсы при СП СССР. С 1964 по 1968 год редактирует республиканский детский журнал «Пионер». В настоящее время является редактором сатирического журнала «Хэнэк».

Стихи поэта впервые были опубликованы в 1948 году. Первая его книга под названием «Почки» увидела свет в 1956 году. С тех пор в Башкирском книжном издательстве выпущено около десяти поэтических сборников Марата Каримова. Его книги выходили также в издательстве «Молодая гвардия».

Марат Каримов успешно работает и в жанре прозы. В последние годы вышли две его книги юмористических и сатирических рассказов.

У карты Башкирии

**Я у карты Родины стою,
Узнаю Башкирию свою.
Мне она напоминает руку,
Нет,
 напоминает мне ладонь,
Искренне протянутую другу,
За друзей готовую в огонь.**

**Как мозоли, горные увалы,
Словно вены, нити синих рек.
По руке товарища бывалого
Узнает рабочий человек.**

**Кто с улыбкой руку подает,
Тот всегда среди друзей живет.**

**...По такому я живу обычаю —
Не сжимаю пятерню в кулак.
А у тех,
 кто жить привык набычась,
Нет друзей —
 бывает только враг.**

Всех друзей своих на белом свете
Зачисляю искренне в родню.
Им всегда душевно и приветливо
Подаю от сердца пятерню.
Родина,
Башкирия родная,
Ты готова за друзей в огонь.
Я горжусь,
 что у меня такая
На твою похожая
 ладонь!

Пуд соли

Виктору Астафьеву

Наша встреча коротка, как детство,
Как солдатский отдых, коротка.
Не успев друг к другу приглядеться,
Стали мы друзьями на века,
И слова-пословицы засели
В голове,
Как чей-то злой навет:
«Коль пуд соли
Вы с дружкой не съели,
Значит, дружбы не было и нет» .
Что ж,
Мы тоже выверяем солью
Крепость дружбы.
Дайте — хоть сейчас!
Только наши деды съели доли
Соли,
Предназначенной для нас.
Съели деды!
И не потому ли
Мы навек друзья, родней родных.
Наши встречи пулей промелькнули,
А вот память навсегда о них.

* * *

Путь далек...
Ты поймешь меня, путник,
Обязательно сердцем поймешь:
На тебя надвигается прутник,
А не ты на него идешь.

И поля, и далекие горы,
И березки на том берегу
По взаимному, что ль, уговору,
Мне навстречу бегут и бегут.

Всё навстречу бежит без смущенья,
Только выведешь вдруг за село.
Это сказочное смещение
В путь-дорогу меня увело.

Сколько прожито! Сколько пройдено!
И повсюду, как в сказочном сне,
Мне навстречу бежала Родина,
Навсегда оставаясь во мне.

Полынь, камни и звезды...

**Нет, не только цветами унижены
Наши горы Уральские сизые.
Над долинами и над пригорками
Воздух пахнет полынью горькой.
В поле — злая полынь... А по ней —
Горы старых шершавых камней.
Каждый камень — моя истома:
Есть фундамент, но нету дома.
Лишь глаза на минуту прищурю,
Вижу сразу вчерашнюю бурю,
Над угрюмой землей Урала
Вижу саблю Карасакала,
Вижу, яростных и крылатых,
Верных конников Салавата.**

**Ах, Урал мой, Урал мой каменный,
Сколько раз занимался ты пламенем!
В синем небе пляшут и тонут
Искры, искры сгоревшего дома.**

**Здесь аулы сгорали дотла,
Оставалась одна зола.**

Голосили и плакали вдовы, —
Горя горького вдовам вдоволь.
А на вдовьих слезах и горе
Прорастала полынная горечь.
В поле — злая полынь... А по ней
Вороха обгорелых камней.
...Сын мой, бережными руками
Ты бери обгоревшие камни,
Пусть на месте пока пустом
Поднимается новый дом.
Строй, мой сын, дома неустанно,
Если ж руки твои устанут,
Ясной полночью в поле иди,
В небо синее погляди.
Видишь, звезды в небе горят,
Словно искры в дыму запылали?..
Эти искры нам говорят
О сгоревших домах на Урале.

Летят самолеты

**Летят самолеты —
Под ними гроза.
Мы смотрим высокому небу в глаза.
Летят самолеты
Среди облаков —
Привозят друзей из далеких краев.
На буйных застольях, на шумных пирах
Веселые тосты на наших устах.
Пусть в песнях покамест, друзья, — ни того,
Но в тостах
Не знаю сильнее никого!
А если хорошее слово готово,
Пусть скажется весело
Другом то слово!
Хорошее слово — святая душа,
Живем мы открыто, со всеми дружа.
Летят самолеты, друзей увозя,
Не будем о том горевать мы, друзья,
Что нас разлучает аэрофлот —
Но снова когда-нибудь нас он сведет,
Дорогами дружбы
Сквозь дни и сквозь ночи,
Которые стали намного короче...**

Аул с медными пуговицами

**Смотрю во тьме я на аул родной:
Словно раскинув руки, предо мной
Лег богатырь усталый отдохнуть,
Над ним —
Палаткой звездной Млечный путь.
И на шинели у солдата в ряд,
В ряд
Пуговицы медные горят.
Читатель, ты не думай про певца,
Что это — ради красного словца.
Ведь пуговицы — это в окнах свет,
А там, где свет горит, безверья нет.
Тот проживет с надеждой, говорят,
Того не победят, не победят.
На память мне приходят иногда
Доверчивые, детские года.
...Солдат! На нем живого места нет —
Ушел юнцом,
С войны вернулся — сед,
Из медсанбатов, из госпиталей
Солдат вернулся к матери своей.
По запыленной улице за ним**

Мы, сорванцы, оравой всей бежим.
Идет солдат, а грудь вся — в орденах,
Вернулся из-за тридевять земель.
Желты ремни. Обмотки на ногах.
А на плечах — с иголочки шинель,
И за нее — ведь все-таки нова! —
Могли бы дать картошки пуда два!

Испытывало время нас бедой
На фронте — пулей, дома — лебедой.
Мы на полях не разгибали спины,
А ночью — письма, тусклый свет лучины.

Нет фитиля — коптилка не горит,
Но только не о том душа болит,
Душа моя измаяна войной,
Лишь о победе думает одной...

Солдата мы послушать собрались
Под вечер...
Нам запали на всю жизнь
Его простые, умные слова...
О, как светло! А лампа какова!
С таким большим и светлым фитилем —
И в доме стало вдруг светло, как днем.
Ведь никому он отказать не мог:
Вновь клок —
Шинель короче на вершок...
Лишь месяц погостил солдат.
И вот —
По улице в последний раз идет.

Гудел вечерний ветер в проводах.
Солдата провожали мы селом.
Желты ремни. Обмотки на ногах —
И лишь шинели не было на нем,
А за нее — ведь как-никак нова! —
Могли бы дать картошки пуда два!

Зато вокруг из окон всех домов
Струился свет — и ярок, и багров.
И нам принес надежду этот свет,
Он осветил нам
Мрак военных лет.

Ушел солдат,
Исчез солдат вдали.
Но вечерами долго еще жгли
Суконные в коптилках фитили...

Во всех домах цвели огни, огни,
Лишь пуговицы медные одни
Остались от шинели дорогой...
...И вот вернулся снова я домой;
Словно раскинув руки, предо мной
Лег богатырь усталый отдохнуть,
Над ним — палаткой звездный Млечный путь.

Огни, огни — из окон, из оград
Как пуговицы медные горят...

Сапожник

**У меня сосед — сапожник.
Вот уже который год
Он кроит и режет кожи,
Сапоги народу шьет.**

**Шьет и прочно и красиво...
Сам же ходит много лет
Без сапог... Но в этом дива,
Дорогой товарищ, нет.**

**Слышишь, как он до порога
Трудно делает шаги?
На березовые ноги
Не наденешь сапоги...**

**На военном бездорожье
Пали многие — не счесть.
Мой сосед вернулся все же,
Но, как видите, не весь...
Он вернулся в дом невесел,
Снял солдатское сукно,
Низко голову повесил...**

А потом из всех ремесел
Выбрал трудное одно.

Лишь терпению да поту
Покорилось ремесло.
Сапоги его работы
Нынче носит все село.

Крепко сбиты, ладно сшиты...
И хоть им износу нет:
— Пусть изнасятся! — открыто
Всем желает мой сосед.

По селу, порой, усталый
Он идет потупив взгляд.
Деревянные суставы
Об одном всегда скрипят:

«Велика моя потеря,
Тяжелы мои шаги.
Да изнасятся, я верю,
Люди, ваши сапоги!»

Лежат награды, как погребены...
А ведь они солдатам не мешали,
Нет! Славили они и украшали
Героев, возвратившихся с войны.
Блистал, звенел серебряный прибой
Наград — длинна,

трудна была дорога...

Их много — это верно — очень много,
Но тем они значительней собой!
И потому, для тех, кто вновь беду
Накликать хочет в дом наш, надо,
Надо,

прошедшим за войну все круги ада,
Держать свои награды на виду!

Засохший ильм ¹

**Рос молодой ильм
На военном ветру.
Чтоб замесить хлеб,
Я обдирал кору.**

**С хрустом входил нож
В горький тот каравай.
Мама в слезах вся:
— Мальчик мой,
 привыкай.**

**Ильм и сейчас там,
Но ему не расти.
...Жизнь у тебя взяв,
Выжил я.
Ильм, прости!**

¹ Ильм — дерево, похожее на вяз.

Дом Миннимуллы

**В деревне нашей новые дома —
Стоят, светясь в огнях, как терема.
Но с наступленьем сумеречной мглы
Не светится лишь дом Миннимуллы.
В нем столько лет никто уж не живет,
Но не теряет вида домик тот.
Поправит крышу кто-нибудь на нем.
Другой наколет дров, мол, быть с огнем.
Приладит третий доску на крыльце.
И разольется дума на лице...
Он не теряет вида, этот дом.
Погиб солдат... Он жил когда-то в нем.**

Солнечные песни

Памяти Мусы Джалиля

На дворе палач топор свой точит
И не видит (он не столь могучий)
В камеру,
 где темень вечной ночи,
Через щель пробился тонкий лучик.
На дворе палач топор свой точит.

Узник столько не поведал свету!
Бродят песни в сердце с буйной силой.
Написал бы,
 только ручки нету,
Не припас никто ему чернила.
Узник столько не поведал свету!

Но в застенке правда жить не может:
Луч вошел,
 как будущего вестник.
Нынче мир и греют и тревожат
Солнце излучающие песни.
Песня без чернил родиться может!..

Письма

Людам пишут письма ежедневно.
Запасясь терпением, ожидай,
И письмо найдет дорогу верно
В ближний край,
И в самый дальний край.

Осенью, зимою
Иль весною —
Все равно, когда оно придет.
Радуйте крылатою строкою
Тех, кто так надеется и ждет.

Письма каждый день идут к счастливым.
Но к тебе уже который год
Ни весной,
Ни осенью дождливой
Почтальон письма не принесет.

И не крикнет радостный, довольный:
— Весточку принес тебе, встречай!.. —
Желтый лист, знакомый, треугольный, —
Заждалася весточки-то, чай?

Он похож на тот конверт солдатский,
Что в избе за матицу заткнут,
Временем окрашен желтой краской...
Люди ежедневно письма ждут.
Только мать ждет осени, как прежде,
И уже подряд который год
В сердце загорается надежда:
Почтальон письмо ей принесет.

Комендант

Дома, как люди, облик свой имеют.
Вот дом, как в клетку, взятый в частокол.
Стоит один, под солнцем индевея
И, хоть резьбой украшен, — будто гол.
Его обходят почтальоны мимо,
Собаке лень пролаять на него.
Стоит, своею участью томимый,
Тюрьмы казенность в облике его.
Хозяйской стал неотделимой частью.
Хозяин — комендант в тюрьме своей.
На привязи и Радость здесь, и Счастье,
А Скупость — страж,
Цепного волка злей.
Паролем служат деньги здесь для входа,
Здесь деньги и ключи ко всем замкам.
Расходов нет,
Зато растут доходы,
Но коменданту жутко по ночам.
Едва сомкнет глаза он —
Сон на веки, —
Он слышит, ходит по дому чужой.
И китель в орденах на человеке,

И взгляд у человека волевой.
Видать, совсем недавно с поля боя...
Осматривает зорко все кругом:
И дом с витиеватою резьбою,
И все хозяйство тучное при нем.
И смотрит на хозяина сурово:
— И это мое будущее ты?
Затем ли обагрят я землю кровью,
Чтоб стать таким?
Пусты глаза, пусты...
— Да кто ты?
Голос будто бы знакомый...
— Я молодость твоя!
Ответа жду!..
Назавтра по закону в этом доме
Я над тобою суд произведу...
Опять в поту холодном пробуждение,
А день опять в погоне за рублем.
А ночь несет,
Несет оцепененье
Перед суровым праведным судом.

Пронавшие без вести

**То на высотке, то у края пашни
Белеют обелиски в тишине...
Но где могилы без вести пропавших,
Исчезнувших бесследно на войне?**

**Когда они пропали — неизвестно.
У переправ каких, каких высот?..
Ни матери, ни жены, ни невесты
Их гибель не оплакали в тот год.**

**Была еще надежда: может, живы
Их сыновья, зазнобы, мужики.
И верили они цыганкам лживым,
Последние даря им пятаки.**

**И верили, не думая отречься
От них, наветам злым наперекор,
Что радость ожидает их при встрече,
А не в казенном доме разговор.**

**Но не сбылось для них, ни то, ни это.
Утерли слезы жены — не сбылось,—**

Стихи, написанные под крик петуха

**Заорал петух
В середине дня
На гнилом сучке
Старого плетня.**

**Может, отыскал
Лакомый кусок —
Голос у певца
Радостно-высок.**

**Вот и я таков:
Все во мне не так.
Мне б солидным быть —
Не могу никак.**

**Коль копейка вдруг
Завелась, — она
Петухом кричит,
Ропщет, сатана!**

**Оттого ль добро
Не течет в мой дом?**

**Все во мне кричит
Этим петухом!**

Все, что наживу,—
То напополам.
В дом ко мне придут —
Алейкум салям!

Сердце ль распахну —
Разделю тепло.
Все, чем жив я был,
Строчками текло.

Коль напололам,
Груз — не тяжел.
Я друзей,
 его
Разделив, нашел.

Счастлив, коль в других
Бродит тот же дух.
Так кричи вовею
На плетне,
петух!

Когда рассеиваются тучи

**Тучей горе распирает.
Тесно горю жить в груди...
Чье-то горе выплывает
Тучей черной впереди.**

**В три ручья пролейтесь, слезы.
Дождик, лейся в три ручья!
Из души долой, заноза,—
Боль недремная моя.**

**Дунул ветер — небу легче.
Туча под гору ползет...
Дождь и ветер душу лечат,
Очищают небосвод.**

Звезда

Века лежал в пыли
Простой кусок гранита.
Но вот, взлетев с земли,
Он режет синь зенита.
И вот кричат с земли
О нем другие камни:
— Что за звезда вдали
Взошла над облаками?
Тебе своей судьбой
Понять дано однажды,
Что кажется звездой
На небе
Камень каждый...

* * *

Вытканы листья из тихого шороха,
Из серебра — лучи,
Белое облако, белое облако
Снится опять в ночи.
Давнее-давнее, юное-юное
В светлой твоей судьбе,
И в изголовье лунные, лунные
Сны отоснились тебе.
Все — в твою сторону ветры, все — дорого,
Все вспоминаю в миг.
Сны заверну свои
В белое облако —
Скоро получишь их.
Чтобы утешили те сновидения
Тихим утром в тиши,
Чтобы проснулась ты от свечения
Нежной своей души.
Среди широкого, снежного полога —
Белый пух тишины,
Спится тебе — и сквозь белое облако
Ты мои видишь сны...

Песни горят...

Как порох, песнь в огне горит.
Дым улетает, легкокрыл...
Не он, кто казнь над ней чинит,
Ей жизнь когда-то подарил.
Он сжечь лишь может.
Он палач,
Убийством движимый одним.
Ему плевать на женский плач,
Что раздается рядом с ним.
Письмо в стихах.
Горят стихи.
От песен остается прах,
И годы, полные любви,
Сгорают в пепел на глазах.
Любовь,
Ты солнышко само,
Тепло и свет душе несла.
Тому свидетельство письмо,
Что от огня не сберегла.
А тот, кто песни жжет,—
Он мстит,
Что самому согреть невмочь...

Последний яркий луч летит
От песни,
Вспарывая ночь...
Отмстивший,
Мщенье удалось.
Спокоен сон твой и глубок.
А рядом,
Мокрая от слез,
Подушка, сбитая в комок...

Гуси-лебеди

Мне грустно немного, когда, словно гусли,
Перекликаются белые гуси,
Перекликаются, вновь пролетая
Над лесом и пашнями нашего края.
Те гуси над нашим селом пролетали,
Они от тебя мне привет передали,
Перо обронили у наших дорог,
Чтоб я написал тебе несколько строк.
Забудем, что было. Не надо сердиться
На мелочь скандалов, укоров и ссор.
Ведь мы не злопамятны...

Белые птицы
О нашей любви завели разговор.
Не грустно, а радостно осенью этой
Гусей проводил я...

И радостно знать,
Что вновь возвратится желанное лето,
И лебеди к нам возвратятся опять.

Не вспугни лебедей

Я знаю до меня где ты была:
Над родником звучал грудной твой голос,
Поэтому сама ты так бела
И мягко так струится
Каждый волос.
А после средь цветов
Лугами шла,
Губами к ежевике припадала
И матовые ягоды рвала.
Они тебе красу свою отдали.
Ночами сердце плавилось в тебе,
Ты вся в слезах
Ничком кидалась в травы.
— Иди к нему,
Иди к своей судьбе,—
Они шептали,—
Что ты медлишь, право!..
Потом,
Идя ко мне, считая дни,
Знать, лебедей нечаянно вспугнула.
Но молвят, учат верности они...
А ты на них в пути
И не взглянула.

* * *

...Былое не забудется вовек.
В пустынный парк я прихожу опять.
И снег идет,
Идет последний снег,
Которому не долго здесь лежать.

Скамейка та же. На нее сажусь,
Смахнув снежинки медленно рукой.
Последний снег,
Мою заметив грусть,
Прикрыл места, где были мы с тобой.

...Ах снег наивный не запорошит
Моей любви, моей былой беды:
Придет весна
И снова обнажит
Следы дорог и в памяти следы.

* * *

Ты помнишь, как полночь вела нас за пойму,
Хмельные ветра среди трав разостлав,
Сверхновыми звездами небо заполнив,
Гудело косматое сопло костра?
Так было в начале.
Но дятлы стучали,
И рыжие ветры над рощей дичали.
И следом за летом уходит любовь.
Рубцуются раны.
И только ночами,
Как к первому снегу, ко встрече случайной,
Под шрамом проснется нежнейшая боль.
Ты помнишь?
Костер наш дождями раскатан,
Ветрами расхвтан, забвеньем порос.
И все же учтут
Астрономы на картах,
Что в нашей вселенной прибавилось звезд.

Юность дня весеннего быстрей

**Юность дня весеннего быстрей.
Проворонь — ищи ее потом.
Вижу, солнце юности моей
Падает стремглав за окоем.
Навсегда захлопнутся за ним
Створы раззолоченных ворот.
Почему любовью мы горим
Только день весенний,
А не год?
Брызнуло капелью лучевой
Счастье
И осколков не собрать.
Удлиню я день весенний свой,
Ухожу я солнце догонять!
Пусть горят осколки,
Сеют свет,
На моем пути таранят тьму...
Верю, есть у юности рассвет.
Вечер ни к чему ей.
Ни к чему!**

Отдаю свое сердце

**О, нет,
Я звезд достать не обещаю.
Луны и солнца не достану я.
Их птица не достигнет никакая,
А я лишь человек, любовь моя.
Могу отдать лишь сердце во владенье.
В нем все слилось,
Подставь свою ладонь:
Мечтательность звезды,
Луны свечение
И солнца ослепительный огонь.**

Птица-счастье

Нежданно счастье повстречалось мне,
Трепещущая маленькая птаха.
С тех пор ни наяву и ни во сне
Я не могу избавиться от страха.
Ложусь, брожу ли ночь всю напролет,
А в мыслях у меня все та же странность:
Вдруг птица-счастье крыльями взмахнет
И улетит,

а я один останусь.

Ее в грудную клетку заключить?
Поющую, сорвать с зеленой ветки?
Но разве можно счастье приручить —
Ведь птица

петь не будет в тесной клетке!

Как ветка ей — раскрытая ладонь,
Поет мне в птичьей трепетной тревоге.
А я боюсь,

чтоб птахе молодой

Не повредить, споткнувшись на дороге...
Поет, поет теперь уж не таясь,
И улетать совсем не хочет птица;
Как видно, разгадав мою боязнь,
Сама меня нисколько не боится!

Очаг

**Горел очаг, пылал очаг,
Плясали искорки в очах.
Потух очаг, лишь в уголке
Осталась пыль на уголке.**

**Ты сердце, как очаг, зажгла,
Согрелась в пламени его;
И, обогретая, ушла,
Меня оставив одного.**

**Но не потух и не зачах
Когда-то вспыхнувший очаг.
И в сердце, в каждом уголке,
Дрожит огонь на уголке.**

Багульник

Багульник твой я напоил водой,
И он светло зацвел через неделю...
А волосы, что ты своей рукой
Касалась,
Безнадёжно поседели.

И ты теперь, наверное, не та...
Я вспоминаю, как ты всех пленяла.
И эту ночь,
Что так была густа,
И ты со мной под звездами шагала.

Сибирский город...
Давние года,
Где весны мы встречали молодыми.
Багульник цвел размашисто тогда.
От запаха мы сделались хмельными.

Мерцали и горели те цветы,
Как звезды на высоком небосводе...
Ночь вдаль ушла
И вдаль умчалась ты.

**Звездой о ночи память нынче всходит.
На душу темь ложится иногда,
А ветры и угрюмы, и загульны.
В минуты те нужна своя звезда.
Пришли, коль не забыла,
Мне багульник.**

* * *

А ночь уже, наверно, шла к концу,
Когда, исчезнув из гостей бесследно,
На зависть убежденным домоседам,
Прижав метель к горящему лицу,
Я песни пел, я с ветром вел беседы
И где-то у рассвета напоследок
Котенка встретил. К моему крыльцу
Любезно был подброшен он соседом.
Сентиментален я себе во вред.
— Входи в квартиру, не стесняйся, киска.
Вот молоко на блюде, вот сосиски,
Что не сберег я нынче на обед.
Живи. Живет. Прибавилось забот.
С ней целый день вожусь я непрерывно.
Прилечь захочешь — не согнать с дивана,
Чуть отвернулся — съедена сметана,
Стихи напишешь — рукопись порвет.
— На ус мотай! — Пустая трата слов.
Свой изумрудный глаз прищулив сыто,
Смывает, грациозное бесстыдство,
Мою сметану с щегольских усов.
Так вот она — обычная расплата

Нам за слепую доброту души.
Уж и не я от смерти спас когда-то,
А до меня в тот вечер снизошли.
И жаль, но больше не хочу терпеть.
Отнес и бросил в незнакомом месте.
Как весел я! Как безгранично весел!
Вот только б невзначай не зареветь.
Теперь домой. И за дела скорей
Весь свой уклад, как мебель передвину.
Вот дверь моя... А кошка у дверей
Мурлыкает и трется об штанину.
Вот так и ты — забыта, далека,
Но там, где март окно дождем закрапал,
Над занавеской узкая рука,
Знакомый профиль в полукруге лампы...
И вот уже опять пришла тоска,
Царапнув сердце, мягкой с виду лапой.
Зайду я к другу. Друг вина нальет,
И, кажется, еще совсем немножко,
Тоска моя заблудится, как кошка,
И никогда дороги не найдет.
Как весел я! И только ты не верь.
С тоской не так-то просто разминуться.
Придешь домой, ключом откроешь дверь,
И наливай ей молока на блюде.

Поворот к счастью

Поэма

Опять, жена, в дорогу собирай.
В мужья тебе достался непоседа.
Ты понапрасну брови не сдвигай.
Разведришься, поди, едва уеду...
— Настанет ли покой когда-нибудь! —
Вздохнула ты, прощаясь у порога.
Скорее, не оглядываясь, в путь!
Бери меня в объятия, дорога!
И сердцу в такт
И мыслям в унисон
Стучат колеса под вагонной полкой.
Ах, для того ль навстречу с двух сторон
Мы шли с тобой, чтоб сделать счастье
колким?

Остывшие обеды на столе,
И жаркая постель почти чужая...
Ах, к этому ли шел я по земле,
Единственную в мире выбирая?
Но в прошлое дорог на свете нет.
Туда лишь думы могут возвращаться...
Весна послевоенных трудных лет,
Ты будешь мне до смерти вспоминаться.

Считали нас в домах за мужиков,
Хоть были мы подростками худыми.
Корье мы добывали для коров,
Махорочным просмаливаясь дымом.
Я помню, как однажды мимо нас
Прошла, зардевшись, юная доярка.
Я на нее смотрел, не пряча глаз.
И вдруг забилося сердце жарко-жарко.
— Смотри, как распрямилось деревцо!..
— Не дочь ли Фазлыя?..
— Цветочек свежий...
И вдруг сказал, как плюнул мне в лицо,
Парняга разбитной —
Шофер заезжий:
— С такой не грех и ночьку переспать...
Ах, нужно ли нас было, побратимы,
С «ценителем» паскудным разнимать?
Душа юнца, как ты легко ранима!

Шофер уехал вскоре, увозя
Литые бревна купленного сруба.
И с той поры легла моя стезя
Между колхозной фермой и клубом.
От нежных слов вспухала голова.
Излить бы все, пусть даже без ответа.
Но для нее рожденные слова
Я раздавал траве степной и ветру.
Не одежонка ль ветхая моя
Была всему тому причиной горькой?
Но коль случилось,

Счастья не тая,
С ней танцевал одной я на вечерке.
Купив в подарок ей флакон духов,
Обычаю негласному внимая,
Я вылил их на звезды васильков,
Себя за неразумность проклиная.
Не выжили, завяли васильки.
Пустой флакон во ржи густой пылится.
И с чьей-то легкой пущены руки,
В селе о нас летают небылицы...
Пришла пора, и в путь меня позвал
Далекий город храмами науки.
Хотелось мне души своей накал
С любимой разделить перед разлукой.
У двух березок зыбких над рекой,
Прильнувших, как от холода,
Друг к другу,
Зарю встречали мы вдвоем с тобой,
Шагнувши в ночь от песенного круга.
А после письма, словно листопад,
Стучались в окна дома городского.
Ах, если б возвращались дни назад,
Я б не страдал за сбивчивость былого!
Жизнь закружила, словно карусель,
Птенца с неоперенными крылами.
Ответы от меня по сто недель
Плутали за поблекшими лесами.
Как те духи,
В душе хмельная плеснь
Сиреневую завязь заглушила.

Упала в пыль оборванная песнь,
Как будто бы ей неба не хватило.
Мне рассказали, как она ждала.
А письма от меня все реже, реже...
Увез ее из отчего села
Парняга разбитной —
Шофер заезжий.
О беззаботность юности шальной!
С годами все видней ее потери:
Как будто бы завесой дымовой,
Я счастьем своему зашторил двери.
И обошло оно мое крыльцо.
Искав незаменимому замену,
Нашел я обручальное кольцо,
Тоской законопаченную стену.
Я тем кольцом, как обручем тугим,
С моей неудержимостью окован.
И недоброжелателям своим
Я не желаю жребия такого.
И радости и горести порознь.
И близости минута безголоса...
И с горестью я думаю порой:
Одной оси мы разные колеса.

Остался полустанок позади.
От серых дум
Я дальше с каждым метром.
Пусть навсегда поселятся в груди
Степные будоражащие ветры!
Шагай вперед!

Встречай людей в пути.
И, позабыв недавние тревоги,
Ты помогай заботы им нести
По каменистой жизненной дороге.
И станет твой семейный ералаш
Такой пустой, никчемной небылицей...
Вдали видна деревня Карабаш.
Над нею галок сизая станица.
Заметил я влюбленных на холме,
Обнявшихся,
Презревших все на свете.
— В своем ли, окаянные, уме? —
Воскликнул бы ханжа, увидев это.
Как будто для любви
Особый час,
Особый день отведены и место.
И солнышко на них, не пряча глаз,
Глядело с золоченого насеста.
Вот наваждение!
Что стряслось со мной?
Влюбленных тех как будто не бывало.
Березки две, переплетясь листвою,
Как близкому, мне кронами кивали.
Деревня на уборку вышла, знать.
Лишь над одной трубой дымок струится.
— Скажи, бабуся, где мне отыскать
Хазиеву, доярку-мастерицу?
— А кем ты ей приходишься, сынок?
Не из одной ли, часом, с ней деревни?
Лицо знакомо, только невдомек,

Где виделись с тобою.

Память древняя...

Не Искандер ли?

Сослепу мелю...

Какою непогодой с места сорван?

— Я в здешнем первый раз всего краю!

— А я тебя

В день вижу раз по сорок...

Я поспешил за ней послушно в дом

И у порога ахнул изумленно.

Увидел я портрет свой над окном,

Бессмертниками убранный влюбленно.

Но как же очутиться здесь он мог?

Я этот снимок подарил однажды

Той, чьей любви я в жизни не сберег.

Той, чьей любви, как воздуха, я жажду.

— Ответь, бабуся.

Я схожу с ума.

Да оторвись же ты от самовара!

До слуха долетело:

— Салима...

И в сердце отдалось зудящим жаром.

— Да где ж она?

Зови ее сюда.

Да где ж она? Я сам пойду за нею!..

— Ты торопиться, парень, опоздал.

Другой ее назвал женой своею.

Что было в ней тебе не по нутру?

Иль вздумалось дипломом покичиться?

А к ней самой теперь —
Ей-ей, не вру! —
Ученые приходят подучиться.

Да бог вот не сподобил муженьком —
Прижимистый, нечистый человек.
В мать вышел,
Что снует из дома в дом,
Все сплетни выгребая из-под печек.
Нашел у Салимы он в сундуке
Письмо твое и карточку в конверте.
Отсохнуть бы его чумной руке,
Не знать ему б добра до самой смерти!..
Почти полгода в горенке моей
Она жила, скрываясь от разбоя.
Бывало, он придет вина пьяней
И все зовет ее назад с собою.
Но не летела горлица в силок.
Спасителя ждала на перепутьи.
На твой портрет глядела все, сынок.
Да разве вас докличешься, беспутных!
Березы посадила на горе.
Зачем?
Не заглянуть в чужие мысли.
И, не щадя досуга, по жару
Носила воду им на коромысле...
Но у ребенка должен быть отец.
И, заперев в душе улыбку плотно,
Лебедушка вернулась, наконец,
Под мужнин кров чужой, душеворотный.

Ах, бабья неизбывная беда,
Любовь!

Знать, никогда она не сгинет.

А вот и Салима никак сюда
Спешит, легка, как ветер, на помине.
И сердце вдруг захолонула дрожь
— Ты?!

Изменился, постарел как будто...

— Семь лет — не год.

А ты-то как живешь?

— Живу...

Сыта, одета и обута...—

Ах, так ли рисовалось мне в мечтах

С затерянною юностью свиданье?

Морщинки на обветренных руках.

В глазах ее и радость, и страданье.

Стояла предо мной жена и мать,

Чьи руки загрубели от работы.

Уж не о ней ли ехал я писать,

Вооружившись ручкой и блокнотом?

— Хазиева — не ты ли, Салима?

Есть у меня задание от газеты...

— Чем знатна я — не ведаю сама.

Пообещай, что ни за что на свете

И слова ты не скажешь обо мне.

Писать хотят — пусть пишут,

Но другие...

Стояли в наступившей тишине

Мы, не родные,

Но и не чужие.

Мы просто с ней давно уже не те,
Которые с ребяческим волнением
Притрагивались к трепетной мечте,
Не в силах приглушить сердцебиенья.
Мы просто с ней не те.
Но отчего ж,
Когда ее увидел у порога,
Прошла по телу пламенная дрожь
И в сердце, как стрела,
Впилась тревога?

— Ты помнишь две березки над рекой?
Их нет в помине, стужи одолели.
Сегодня, перед встречей с тобой,
Мне две других приветливо звенели.
Быть может, в нашем памятном краю,
Где громы гулки,
Как пустые бочки,
Мы повстречаем молодость свою,
Ища ее вдвоем — не в одиночку.
— Нет, Искандер.
Всему своя пора...
Я поспешу.
Суди меня не строго.
Давно стоит машина у двора,
Я мужа собирать должна в дорогу.

Хотел я крикнуть вслед ей:
Погоди!
Пусть сердца этим я не успокою,

Услышь слова, согретые в груди,—
Так нелегко носить мне их с собою...
Рука хозяйки на плечо легла:
— Не догоняй.
Забудь дорогу к дому.
Ты не пришел, когда она звала.
Ты сам отдал любовь свою другому.
И снова твердь дороги под ногой.
И снова ветра бьет волна тугая...
Мальчишки мяч гоняют надувной,
Поля веселым смехом оглашая.
Сын Салимы, должно быть, тоже здесь.
Не узнаю.
Видать, парнишка все же
Ухваткой и лицом в папашу весь.
А мог и на меня ведь быть похожим...
Меня то в жар бросает, то знобит,
И ветер, как полынь в степи, качает.
Как будто я отчаянно избит
Районными лихими силачами.
А путь одним концом под ноги лег.
Другой конец —
Шагать, не дошагаться!..
Вот где меня ты, случай, подстерег
В своей душевной черствости сознаться!
Но неужель навек я осужден
Страдать от раны
Юности заблудшей?
К своим воспоминаньям пригвожден,
Хотел я доискаться доли лучшей.

И жизнь теперь смеется надо мной
За то, что дорогим не дорожил я.

**Загрохотала близко за спиной
Машина, поседевшая от пыли.**

— Эй, тормози!

Пехоту выручай!

Невмоготу шагать с моим прозреньем...

В последний раз,

как будто невзначай,

Я на березки глянул с сожаленьем.

Призывный голос их услышал я —

Тревожный, болевой,

Как человеческий:

«Ты убегаешь в дальние края,

А счастье остается здесь навечно!..»

Березы остаются...

Может быть,

Мне голос их слышался призывный?

Передо мной лежит дороги нить,

Укатанная «ЗИЛами» и ливнем.

Шофер, к баранке прикипев, суров.

И взглядом не одарит пассажира.

Лицо знакомо.

Мало ль шоферов

Я повидал, топча дороги мира!..

Уфа не за горами,

А статья

Так и осталась мною не начатой.

Не в том беда.

Газетчики-друзья

Понятливые, дошлые ребята...

Не покидают думы о себе.

Себя я принял в жизни за кого-то...

Сонливой заблудившейся судьбе

Не миновать крутого поворота!

Зачем, скажите, речек быстрина,

Коль покорять их должен не с любимой?

Зачем хребтов шальная вышина,

Коль покорять их должен не с любимой?

Зачем цветенье зорек по весне,

Коль их встречать выходишь не с любимой?

Зачем, скажите,

эти руки мне,

Коль не держать в них

Рук своей любимой?

Жизнь для влюбленных!

Жизнь для нас с тобой!

Все, Салима, для нас с тобой,

Влюбленных!

И пусть во всеуслышанье семьей

Нас назовут,

Для счастья рожденных!

— Остановись, шофер!

Гони назад!..

— Найми такси, коль тянет на причуды.

Давай гони монету, психопат,

Да подобру выпархивай отсюда!..

Ах, где же нас дороги с ним свели?

Лицо знакомо.

Полно память мучить!..

Считай мои измятые рубли.

Язык души для скаредных беззвучен.

Бегу.

И ветер сил мне придает,

Как будто крылья дал свои на плечи.

Бегу назад.

Нет, нет!

Бегу вперед —

Бегу я к счастью верному навстречу!

Содержание

У карты Башкирии. Перевел А. Филиппов	7
Пуд соли. Перевел А. Филиппов	9
„Путь далек...“ Перевел А. Филиппов	10
Полынь, камни и звезды... Перевел А. Филиппов	11
Летят самолеты. Перевел В. Цыбин	13
Аул с медными пуговицами. Перевел В. Цыбин	14
Сапожник. Перевел С. Видулов	17
Награды. Перевел С. Видулов	19
Засохший ильм. Перевел Е. Савинов	21
Дом Миннимуллы. Перевел Г. Шафиков	22
Солнечные песни. Перевел Н. Савостин	23
Письма. Перевел С. Поликарпов	24
Комендант. Перевел С. Поликарпов	26
Пропавшие без вести. Перевел С. Видулов	28
Стихи, написанные под крик петуха. Перевел Г. Шафиков	30
Когда рассеиваются тучи. Перевел С. Поликарпов	32
Звезда. Перевел В. Цыбин	33
„Вытканы листья...“ Перевел В. Цыбин	34
Песни горят... Перевел С. Поликарпов	35
Гуси-лебеди. Перевел А. Филиппов	37
Не вспугни лебедей. Перевел С. Поликарпов	38
„... Былое не забудется вовек“. Перевел А. Филиппов	39
„Ты помнишь, как полночь вела нас за пойму...“ Перевел С. Су- щевский	40
Юность дня весеннего быстрее Перевел С. Поликарпов	41
Отдаю свое сердце. Перевел С. Поликарпов	42
Птица-счастье. Перевел В. Радкевич	43

Очаг. Перевел А. Филиппов	44
Багульник. Перевел С. Поликарпов	45
„А ночь уже, наверно, шла к концу...“ Перевел С. Сущев- ский	47
Поворот к счастью. Поэма. Перевел С. Поликарпов . . .	49

Каримов Марат Набиевич

НЕ ВСПУГНИ ЛЕБЕДЕЙ

Стихи и поэма

Редактор Б. Н. Павлов

Художественный редактор Б. А. Хайбуллин

Художник-оформитель А. А. Холопов

Технический редактор Н. Я. Сайфуллина

Корректор З. Х. Абдеева

Сдано в набор 29/IX 1971 г. Подписано к печати 11/1 1972 г. Формат 60×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,76. Тираж 3000 экз. П03105. Бумага тип. № 1. Заказ № 368. Цена 34 коп.

Башкирское книжное издательство Управления по печати при Совете Министров БАССР, г. Уфа-25, улица Советская, 18.

Уфимский полиграфкомбинат Управления по печати при Совете Министров БАССР, г. Уфа-1, проспект Октября, 2.

